

Анна Пивоварова

«Забывтая» плацента: символические действия в современной практике домашних родов

Практика домашних родов известна в СССР с 1960-х гг., с середины 1980-х она начинает оформляться в социальное движение. В это время в Москве и Петербурге открываются клубы для родителей, в самиздате выходят переводы зарубежных книг о «естественных» родах. С 1990-х гг. эта практика институализируется и коммерциализируется: открываются курсы подготовки к естественным родам, акушерская помощь на дому начинает оформляться в профессию. Несмотря на то что до сих пор практика домашних родов никак не регламентирована российским законодательством (формально профессии домашнего акушера не существует: отсутствует система лицензирования таких специалистов), она достаточно распространена в крупных городах России.

В основу этой статьи легли сведения, полученные в ходе полевой работы в 2010–2013 гг.: это 40 полуструктурированных интервью с родителями и акушерами¹ и материалы наблюдения на занятиях для родителей², а также на конференции, посвящен-

Анна Михайловна Пивоварова
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
arivovarovna@eu.spb.ru

---

¹ В интервью участвовали жители Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода и Ростова-на-Дону.

² Лекция акушерки в рамках курса подготовки к домашним родам (Москва, 2012), семинар для родителей, посвященный роли отца в домашних родах (Москва, 2012), лекция акушерки на курсах по подготовке к естественным родам (Санкт-Петербург, 2012).

ной традиционному акушерству¹. Дополнительным источником послужили материалы интернет-форумов и сообществ для родителей, а также публикации в журнале «Домашний ребенок» — популярном русскоязычном издании, одной из центральных тем которого является естественное рождение.

В отношении родителей — сторонников домашних родов в тексте будет использоваться слово «сообщество». Правомерность употребления этого термина применительно к российским материалам требует комментария. На фоне неконкретизированного «большинства», воображаемого «среднего человека», образ которого устойчиво всплывает в нарративах, родители детей, рожденных дома, как показывают интервью, чувствуют причастность к сообществу таких же родителей. Основанием для этого служит ощущение собственной «непохожести» на «среднего человека», видение своего родительского пути как особого (обозначаемого синонимичными эмными терминами *сознательное родительство* и *осознанное родительство*). Однако в кругу «своих», в отсутствие актуализированного образа «другого» участники движения примыкают к тем или иным группам меньшего порядка. Например, можно говорить о том, что такое сообщество образуют православные родители: в среде родителей известны свои «православные» акушерки и врачи-педиатры, приходы, лояльные к домашним родам. Таким образом, формируется инфраструктура, обеспечивающая потребности подобных локальных сообществ. Общение в Интернете также способствует развитию солидарности и формированию внутренних социальных сетей. С учетом сказанного представляется возможным говорить о том, что сторонники домашних родов в России образуют сообщество (с необходимой поправкой на то, что оно неоднородно и состоит из небольших локальных групп, объединенных определенным родительским клубом, приходом или интернет-площадкой).

Существенную роль в процессе формирования сообщества играет Интернет, выполняющий здесь роль инструмента трансляции коллективно разделяемого знания, которое не унифицировано, поскольку встраивается в различные системы представлений о мире. В целом движение домашних (естественных) родов близко идеологии New Age и предполагает эклектичность и широкое поле заимствования философских и мифологических понятий. Е.В. Белоусова пишет, что в период становления практики домашних родов традиции, связанные

¹ В 2011 г. в Москве прошла Вторая международная конференция «Традиционное акушерство: профессия, искусство, жизнь» (13–17 июня 2011 г.), организованная совместными усилиями журналов «Домашний ребенок» и «Midwifery Today».

с рождением, заимствовались из разных культур: отправной точкой здесь служило представление о том, что быт примитивных народов является наиболее естественным и потому «правильным» [Belousova 2002: 51–53]. Современные акушерки, практикующие помощь в родах на дому, видят себя преемницами повитух, продолжателями традиции народной медицины, и апелляция к традиционному становится с точки зрения этого сообщества весомым аргументом в идеологическом обосновании новой для городской культуры практики. Свою профессиональную миссию акушерки видят в том числе в восстановлении утраченных традиций народного повивального дела: по словам Е. В. Белоусовой, акушерки стремятся «воссоздать монолитное тело традиции», и с этой целью они целенаправленно изучают техники традиционного родовспоможения [Ibid.: 71]. Существенное внимание при этом уделяется ревитализации ритуальных практик.

Особенность трансляции традиции в этом случае заключается в том, что механизм «естественной» культурной преемственности был нарушен: знания о ритуальных практиках черпаются из письменных текстов — популярной этнографической литературы и ее пересказов в публицистике. Этот способ передачи знания сказывается на том, каким образом сами «реставраторы» традиции в результате воспринимают свой опыт. Этнографические источники оказывают влияние на сообщество не только в том, что касается передачи знания о ритуальных практиках, — заимствуются сами интерпретационные модели, которые привлекаются для описания традиционной культуры. Примером такого заимствования может служить интерпретация родов как обряда перехода. В одном из записанных интервью моя собеседница — ведущая курсов подготовки к естественным родам, психолог по образованию — говорит, что свои следующие роды она хотела бы *сделать* ритуалом, оформить как ритуал:

Ну у меня не было опыта такого вот магического оформления, в следующий раз обязательно будет, потому что, я думаю, много зависит от обстановки, которая окружает <...> Вообще очень много зависит от обстановки. От состояния, от введения человека в состояние зависит очень многое. <...> Есть некая канва обрядов перехода, которые актуальны для всех культур, про это написано много книжек. Мне кажется, сейчас, когда мы не очень верим в злых духов и нам не надо их отгонять, а если они есть, то это наши собственные злые духи, лучше, чтобы женщина сама как бы вот рисунок ритуала как-то вот вытаскивала из собственного бессознательного <...> Ритуалы могут быть любыми, главное, чтобы они были значимыми и ценностными для нас (ж., 27 лет, Москва).

В рассказах о домашних родах, которые уже оформились как особый нарративный жанр в интернет-коммуникации родителей, эта интерпретационная модель оказывается востребованной: женщины описывают свой личный опыт, прибегая к понятиям, получившим распространение в исследовательской традиции. Ритуалы, знание о которых почерпнуто из этнографических источников, совмещаются с новыми практиками, при этом между ними не делается различия — и те и другие действия понимаются как традиционные. В этой работе я постараюсь показать на примере манипуляций с плацентой после родов, как в современной городской культуре функционируют такие символические практики.

Тема символических практик, связанных с плацентой, уже обсуждалась в работах о домашних родах, основанных на российском материале: в них дается описание практик, имеющих распространение в современной городской культуре, и проводятся параллели между ними и ритуальными действиями, которые входят в канву традиционного родильного обряда в крестьянской культуре [Belooussova 2002; Рабей 2012]. Здесь мы сфокусируемся на том, как в современной городской культуре функционируют символические практики, потребность в которых вызвана возникновением нового культурного явления.

В русской крестьянской традиции роль ритуального специалиста в родах играла повитуха. Забота о последе, как и выполнение многих других ритуальных действий, оформлявших рамку родильного обряда, входила в число ее обязанностей (подробно о функциях повитухи см.: [Попов 1903: 350–351]). С изменением системы родовспоможения в XX в. и распространением профессиональной медицинской помощи в родах¹ манипуляции с плацентой определяются рутинными практиками медицинского учреждения: после родов плацента подлежит гистологическому обследованию и утилизации в соответствии с требованиями, касающимися обращения с биологическими отходами. При желании роженица может забрать плаценту из родильного дома, но эта возможность практически не бывает востребована: пациенткам родильных домов не приходится задумываться о том, как поступить с плацентой, все манипуляции, связанные с ней, выполняются сотрудниками роддома.

В случае родов дома выстраивается иная ситуация. Если в роддоме манипуляции с плацентой определяются протоколом медицинского учреждения, то здесь родители или акушерка должны решить, как ею распорядиться. Плацента — это объект,

¹ О том, как адаптировались традиционные представления в современном роддоме, см.: [Белоусова 1999].

обладающий сложным статусом: с одной стороны, это человеческий орган, причем совершенно особый, «принадлежащий» одновременно и матери, и ребенку, ассоциирующийся с их телами. С другой стороны, этот орган уже выполнил свою функцию и нуждается в той или иной форме утилизации. Современные домашние (в эмной терминологии *духовные*) акушерки редко берут на себя роль ритуального специалиста в этом вопросе: судьбу плаценты после родов предлагается решить самим родителям, акушерка может только подсказать один или несколько возможных вариантов. Полевые материалы свидетельствуют, что современные городские жители разделяют некоторые традиционные для славянских культур представления, касающиеся последа: культурная компетенция подсказывает, что этот особый объект требует специальных («уважительных», символических) форм обращения [Belousova 2002: 68].

Это отражается, в частности, в традиционных культурных запретах: нельзя просто выкинуть плаценту, поскольку в таком случае она может быть съедена собаками или найдена бездомными. Указанное представление исходит из предпосылки, что даже после пересечения пуповины плацента сохраняет связь с матерью и ребенком и при контакте с «нечистыми» существами может, в соответствии с принципом контагиозной магии, нести потенциальную опасность. Г.И. Кабакова перечисляет следующие запреты, связанные с последом: «Нельзя бросать П. посреди двора, на проходе, т.к. он может попасть в чужие руки, что лишит ребенка удачи. Считают также, что П. могут подобрать вештицы, самовилы, ведьмы (серб.). Если П. съест свинья — у роженицы пропадет молоко (Добруджа). П. нельзя закапывать там, где его могут вырыть собаки, так как ребенок, чей П. съела собака, не выживет (полес). Напротив, в Косово П. иногда специально дают съесть собаке, чтобы ребенок был хитрым» [Кабакова 2009: 201]. Этот запрет снимается в случае, если происходит перенос акцента с «нечистоты» животного на «хитрость» и изменяется отношение к собаке. Похожим образом опасность контакта с собакой снимается в случае, если это животное не воспринимается как «плохое» и «нечистое»:

— *Несколько раз я, кажется, даже раза два, я просто относил — кусок мяса, получается, — я просто относил рядом с мусорными баками, и собаки его съедали. Мне кажется, что это нормально. <...> Я знаю, что некоторые женщины оставляют для каких-то масок себе... Мне кажется, что это нормальное использование. Правильное.*

— *Но ты так не пробовала сама?*

— Нет, мы ни разу ее не использовали, мы закапывали. Причем мне больше нравится, чтобы собачки съели, чем закопать. Там тоже, конечно, червячки съедят. Вот мне почему-то хочется, чтобы была как-то использована (ж., 51 год, Ростов-на-Дону).

В записанных материалах это единственный случай, когда контакт животных с плацентой не воспринимается как нежелательный. В приведенном интервью показательно, что женщина сочла необходимым как-то пояснить, «оправдать» свой поступок: *мне почему-то хочется, чтобы была как-то использована*. «Собачки» и «червячки» не воспринимаются здесь как потенциально опасные, «нечистые» существа, и потому в их контакте с последом не видится ничего плохого.

Опасения, что плацента попадет в недобрые руки, в некоторой мере разделяется и пациентками родильных домов. Материалы русскоязычных форумов для родителей показывают, что женщины, родившие в роддоме, также нередко бывают обеспокоены судьбой плаценты после родов — а именно тем, как ею распорядятся медики. Женщины боятся, что плацента может быть использована как препарат в фармакологии — такое применение воспринимается как нежелательное:

— Это был очень ценный материал, его продавали за границу. Мне кажется, домашние роды потому так строго карались, что плаценту они не могли заполучить, потому что плаценту в обмен на золото продавали, это очень серьезный действительно материал.

— Можно было частно продать плаценту?

— Нет! Это продавали клиники, государство. Это было государство! Может быть, из-за этого карались домашние роды, что в результате они не получали плаценту. Из нее делали препараты шикарные совершенно, делали — это давно известно — специально продлевающие жизнь старикам нашим тогда, там, правда, еще костный мозг использовался. Очень страшные вещи рассказывали про прежнее наше правительство. Как они оставались в этом действующем состоянии, очень страшно... Брежнев и компания. <...> Но что плацента — это очень ценный материал, я понимаю, потому что сейчас даже плаценту животных используют даже в кремах, а женскую плаценту, так вообще непонятно, куда она девается. Столько женщин рождает, плаценту ей не выдают вместе с ребенком — куда плацента девается?

— Я знаю, что сейчас можно забрать плаценту. Если женщина напишет заявление, она может забрать плаценту.

— А, значит перестали плаценту продавать (ж., ок. 50 лет, Москва).

Как и в материалах, относящихся к традиционной крестьянской культуре, приведенных в работе Г.И. Кабаковой [Каба-

кова 2009], здесь воспроизводится мифологизированный образ «злых сил», в роли которых выступают врачи, медицинские учреждения и фармакологические компании, а особая ценность самой плаценты конструируется через повышенную заинтересованность в ней этих злых сил. Институциональное недоверие к медицинской системе¹ способствуют тому, что это мнение является достаточно распространенным у современных родителей.

Разделяя вполне традиционные представления о плаценте, родители, выбравшие домашние роды, нередко испытывают затруднения в том, что касается выбора практики. Об актуальности проблемы поиска «правильного» способа распорядиться плацентой можно судить по тому, как эта тема обсуждается внутри сообщества. Журнал «Домашний ребенок» в 2009 г. выпустил специальный номер «Дерево»², в котором был размещен блок из семи статей, посвященных плаценте [Ефремов 2009; Иванова 2009; Котлар 2009; Привальская 2009; Троцкая 2009; Чарковский 2009; Шелепина 2009]. Всего теме манипуляций с плацентой в номере отведено десять полных журнальных разворотов.

Блок открывается статьей Кирилла Ефремова [Ефремов 2009] о мировом древе в мифологии, где высказывается предположение, что своим возникновением и распространенностью образ мирового древа обязан внешнему сходству с человеческой плацентой (в соответствии с теорией психоаналитика Ллойда де Моза плацента является первым объектом привязанности, «первой любовью» ребенка в утробе [Mause 1982]). Следующая за статьей небольшая заметка продолжает тему сходства плаценты и дерева, в ней говорится о практике placenta art — современной форме прикладного искусства, которая пользуется популярностью у домашних акушеров в США и Европе [Троцкая 2009]. Placenta art — отпечаток плаценты, выполненный на бумаге или холсте, по виду он действительно напоминает дерево. На обложке номера изображен как раз такой образец «искусства плаценты». Это новая для российской культуры практика, и пока она не пользуется популярностью у родителей.

Две развернутые статьи в номере рассказывают о значении плаценты и связанных с ней ритуалах в традиционной культуре [Иванова 2009; Шелепина 2009]. Сведения об анатомическом

---

¹ О восприятии российскими женщинами государственной системы родовспоможения и культурных механизмах, регулирующих взаимодействие врача и пациентки в роддоме, см.: [Белоусова 1996; Щепанская 1999].

² Тираж 10 000 экз.

строении и физиологических функциях плаценты сочетаются с рассуждениями о символической значимости последа в народной культуре и его роли в бытовой магии, а также с перечислением ритуалов, описание которых позаимствовано, по словам автора, из исторических источников: «Плаценту: — помещали в сосуд (из глины, кокосового ореха или других плодов) и вешали на дерево; — сжигали, а пепел оставляли как лекарство для случая болезни ребенка; — сжигали, а пепел помещали в сосуд и на небольшом плоту отплавляли в воду; — сжигали, а пепел зарывали в сосуде под жилищем; — зарывали плаценту в углу дома, под порогом, возле очага; — зарывали плаценту под деревом или специально сажали дерево над зарытой плацентой; — готовили и давали съесть родильнице или она съедала ее сырой; — съедала группа близких людей; — кидали жребий между женщинами рода, победившая съедала плаценту» [Иванова 2009: 109].

Интерес к этнографическим материалам составляет одну из существенных особенностей движения. Быт и традиции неиндустриальных обществ (в первую очередь крестьянская культура) ассоциируются с «золотым веком», когда человек не был «испорчен» цивилизацией и находился в гармонии с природой. Для того чтобы легко родить, современной женщине требуется «вернуться» к утраченному знанию, отказаться от стереотипов, навязанных ей современной культурой¹. Традиционные практики считаются безопасными и эффективными в силу представления о том, что древние люди интуитивно понимали, «как правильно», в то время как современный человек утратил это изначальное понимание. Привлечение этнографических сведений или просто отсылка к традициям «некоторых народов» (что встречается чаще) широко распространены в качестве средства легитимации новых практик. По словам Эрика Хобсбаума, эта ситуация вообще характерна для изобретения традиции как социального явления: «Изобретенная традиция

¹ Сейчас фактически медики не верят в то, что роды — это естественный процесс. Мне очень понравилось, как Анна Мэй [Анна Мэй Гаскин, американская акушерка, участвовавшая в конференции «Традиционное акушерство» в Москве в 2011 г.] говорила, что на земле живет около 5 тысяч видов млекопитающих — какого черта у одного из этих 5 тысяч видов такие проблемы с воспроизводством себе подобных! Это или какой-то ужасный нежизнеспособный вид, вот что не так! Потому что несколько сот тысяч лет до этого никаких таких ужасных проблем не было, вид активно размножался и расселился по всей планете. <...> В основном, мне кажется, медики сами провоцируют эту ситуацию, именно обставив рождение таким образом. Потому что у женщины очень много, когда она идет рожать, у нее страхов, связанных с родами, она думает, что вот что-нибудь должно пойти не так обязательно (ж., 27 лет, Москва).

проливает свет на отношение человека к прошлому, то есть на предмет историка и на его ремесло. Ведь для узаконивания тех или иных действий и для того, чтобы укрепить групповую солидарность, все изобретенные традиции используют, насколько это им удастся, историю» [Хобсбаум 2000: 59]. В контексте этих представлений этнографические материалы представляют особый интерес для сторонников домашних родов, при этом адаптироваться могут понятия и практики, имеющие самое разное происхождение: география заимствования здесь практически универсальна [Belousova 2002: 52]. Как правило, родители знакомы с различными традициями, связанными с плацентой, и могут привести в пример небольшой список ритуалов, подобный процитированному выше. Однако не все ритуалы, знание о которых распространено в сообществе, действительно воспроизводятся: есть практики более или менее популярные, а есть такие, которые не реализуются вовсе, хотя и воспринимаются как один из допустимых вариантов.

Наиболее частотной практикой сегодня является захоронение плаценты. В то время как в русской крестьянской культуре плаценту, как правило, закапывала повитуха [Попов 1903: 350–351], в современной городской культуре это действие утвердилось как исключительная обязанность отца. Послед закапывают на садовом участке или в лесной / парковой зоне — на природе, в укромном месте, которое воспринимается как «чистое» и «безопасное». Показательно, что одна из женщин, участвовавших в письменном опросе, который проводила в Интернете Екатерина Рабей, поясняет свой выбор именно через категорию чистоты: *Плаценту нужно было предать земле — вот и придали в ближайшем парке. :-)* Почему не выкинули — кроме как духовной чистоплотностью, ничем объяснить не могу)¹ (ж., ок. 30 лет, архив Е.Б. Рабей²). Вероятно, пространства, подобные парку или лесу, воспринимаются как «чистые» места в силу своей причастности «естественному», «природному» — в противопоставление городу. В случае если у семьи есть свой участок земли, плаценту обыкновенно закапывают на нем: своя земля воспринимается как наиболее безопасное и потому подходящее для этого место. Изредка это действие родители мотивируют желанием «укоренить» ребенка на своей родовой земле и тем самым укрепить его связь с семьей.

Практика захоронения плаценты имеет ряд вариантов, которые касаются того, как именно закопать плаценту (обернуть

¹ Орфография оригинала сохранена.

² Я признательна Е.Б. Рабей (РГУ) за возможность ознакомиться с собранными ею материалами и воспользоваться ими.

в ткань или не оборачивать), какие предметы положить рядом (хлеб, засушенный фрагмент пуповины). На месте захоронения может быть высажено дерево. Этому растению приписывается особая связь с ребенком, в эмной терминологии это «его» дерево. Если высажено плодородное дерево, ожидается, что в будущем, когда оно начнет приносить урожай, плоды следует в первую очередь предлагать ребенку. Определенные породы деревьев считаются «мужскими» или «женскими» и подходят для высадки на месте захоронения плаценты ребенка определенного пола. Так, дуб чаще сажают для мальчика, яблоню, березу — для девочки. Выбор дерева может быть мотивирован и звуковой ассоциацией с именем ребенка: в одном из интервью мне рассказали о том, что родители девочки с именем Ясна высадили на месте захоронения плаценты ясень.

Следующий зафиксированный вариант также продолжает аналогию между утилизацией плаценты после родов и похоронами: плацента подвергается водному погребению. Этот вариант заметно менее распространен, чем захоронение плаценты в земле. Тем не менее он тоже может быть мотивирован желанием создать связь ребенка с определенным локусом: *Плаценту тоже сохранили. Первую мы так и не нашли, где закопать, и торжественно утопили в Волге. Своей земли у нас нет, а Волга все-таки Великая река. Вторую пока храним. Надеюсь ее закопать на своей земле все-таки. <...> Когда пускали ее в плавание, была мысль — связать ребенка с главной русской рекой как сильной «энергетической базой», посильнее просто куска земли. Т.е. как бы «твой дом — не участок земли, а вся страна» [Рабей 2012: 103–104].*

Предание плаценты воде призвано сообщить ребенку особую связь с этой стихией:

— [Плаценту] можно пустить в плавание, можно с грузом на дно. Мы так с пуповиной поступили. Когда она отвалилась, она, мы перевязали довольно смешно, довольно далеко. <...> Вот. И там был такой кусочек сантиметра 4–5. Я его высушила, сохранила, и когда мы приехали на море, то ровно в полгода отправились на ластах со старшей дочкой — далеко, наверное, километр от берега отплыли, мы три часа плавали! — и там на самой глубине <...> и отправили на дно с камнем.

— А Вы можете рассказать, почему так поступают? Почему в море отправляют?

— Мне хотелось в море! Кто-то может зарыть, кто-то может растолочь и с ветром отправить. Как фантазия. Это как у кого ощущается правильно. Мне хотелось как раз именно так, чтобы в воду, и именно так. Мы все очень морские, пловцы (ж., ок. 55 лет, Москва).

Эта интерпретация актуализируется в контексте идеологии движения водных родов, в том его варианте, который был особенно популярен в 1980–1990-е гг. Один из идеологов водных родов в СССР, Игорь Чарковский, выдвинул идею о том, что человечеству необходимо преодолеть боязнь воды и развить способность к жизни в воде по аналогии с морскими млекопитающими — дельфинами и китами. По мнению Чарковского и его последователей, развитие у младенцев способности к долгому пребыванию в воде способствует раскрытию у них паранормальных способностей¹. «Водные дети» в этой концепции предстают потенциальными основателями новой популяции людей, призванной развить скрытые способности человеческого организма². В свете этих представлений естественно желание родителей «связать» ребенка с водной стихией.

Еще один способ утилизации плаценты — кремация: плаценту сжигают на костре, а остывший пепел, в одном из вариантов этой практики, впоследствии может храниться дома вместе с высохшей пуповиной в специальном контейнере — «детской шкатулке»³. Как и в случае с водным погребением, предание плаценты огню порой мотивируется желанием обеспечить ребенка поддержкой «родственной» ему стихии:

Двух своих деток я имела счастье родить дома, и, конечно, пуповинки обоих трепетно хранятся у нас в особом месте, вместе с пеплом от кремированных на специальных кострах плацент. <...> Оба ребенка у меня «огненные», то есть рожденные под знаками зодиака Овна и Льва. Есть поверье, что малыши энергетически также налаживает связь с той стихией, которая приняла его детское место, — многие предпочитают закапывать плаценту под особым родовым деревом, которое можно определить по календарю друидов [Чудесный дар новорожденного — Плацента 2011].

Кремация плаценты, насколько можно судить, не имеет широкого распространения — в записанных материалах содержится только два упоминания о ней.

Следующие две практики, о которых пойдет речь (применение плаценты в лечебных целях и изготовление из нее ритуальных предметов), также не имеют заметного распространения в Рос-

---

¹ Идеи И. Чарковского имеют своих последователей и противников, его система тренировки новорожденных в воде подверглась критике со стороны педиатров и специалистов в области помощи в родах на дому, тем не менее его методика по-прежнему остается авторитетной и востребованной у части сторонников водных родов.

² Подробнее об идеологии водных родов см.: [Belousova 2002: 13–15].

³ Кроме них в эту шкатулку могут быть помещены первый срезанный локон ребенка, первый выпавший зуб, а также положительный тест на беременность [Рабей 2012: 74–75].

сии и известны преимущественно по письменным источникам — публикациям в журнале «Домашний ребенок» и на нескольких сайтах, посвященных родительству.

Практика сушки плаценты и последующего применения ее в лечебных целях является менее распространенной, чем перечисленные выше. Хранение плаценты требует специальных техник ее обработки: ее разделяют на части, высушивают и после хранят в специальном месте. Высушенная плацента впоследствии может быть использована для изготовления в домашних условиях гомеопатических препаратов и косметики. Эти препараты рекомендуется применять в первую очередь роженице, а также членам ее семьи. Считается, что плацента содержит особенные вещества, полезные именно для кровных родственников¹.

Несмотря на видимую непопулярность этой практики, информация о ней востребована в описываемом сообществе. В 2011 г. в журнале «Домашний ребенок» вышла подробная статья о способах обработки плаценты и об использовании ее в лечебных целях² [Эннинг 2011]. Сейчас на сайтах и форумах для родителей можно встретить цитаты или пересказы статей и лекций Корнелии Эннинг, в которых даются рекомендации по изготовлению препаратов из плаценты:

1. *Отделить амниотические ткани. У немцев и многих других народов есть традиция делать из них барабан малышу. Ткани натягиваются на круглую коробку, при высыхании получается персональный ритуальный инструмент — отгонять злых духов.*
2. *Промыть плаценту в достаточном количестве вина либо яблочного уксуса, настоянного на можжевеловых ягодах.*
3. *Сушить плаценту в духовке с приоткрытой дверкой 2–3 дня. Необходимо достаточное количество кислорода. Первый час — при температуре 70 градусов, далее — 50. Важно не запечь, не сжечь, а именно высушить. Если дверца приоткрыта, то ставить термометр на 100 градусов, тогда в духовке будет 70. Плацента в итоге превращается в маленький черный плоский камушек размером с ладонь.*

¹ «Одно из огромных преимуществ родов дома в том, что можно приготовить и съесть плаценту. Плацента полна гормонов и веществ, чрезвычайно важных для родившей женщины, необходимых ей и ребенку для восстановления сил после родов. У большинства народов плаценту либо съедали, либо закапывали и на ее месте сажали родовое дерево для ребенка (естественно, на своей родовой земле). Парадокс в том, что подавляющее большинство семей оставляют плаценту в роддоме — и из нее делают и продают лекарства — вместо того чтобы использовать ее по назначению на благо своей семьи» [Как приготовить плаценту].

² Автор статьи — акушерка из Германии Корнелия Эннинг, которая является также автором книги «Placenta: The Gift of Life» [Enning 2007]. На конференции «Традиционное акушерство» в Москве в 2011 г. Корнелия Эннинг прочитала две лекции, посвященные изготовлению лекарственных препаратов из плаценты.

4. Далее перемолоть камушек на ручной мельнице. Процесс трудоемкий — скорее всего, этим займется папа. На электрической мельнице лучше не молоть, при нагревании нарушается структура вещества. После мельницы порошок еще раз перетирается уже в ступке. Чем мельче он получится в результате, тем лучше для применения.

5. Хранить в стеклянной баночке, которая плотно закрывается, желательного темного цвета в темном прохладном месте [Медицина плаценты 2011].

При этом материалы, описывающие технологию сушки и хранения плаценты, встречаются значительно чаще, чем тексты, в которых говорилось бы о том, как именно применять полученные препараты в лечебных целях. В рекомендациях по изготовлению лекарственных средств встречаются упоминания о том, что из порошка плаценты можно изготовить пилюли, также его можно хранить и употреблять в капсулах, при этом не уточняется, при каких недугах и в какой дозировке применять лекарство. Таким образом, создается впечатление, что препарат из плаценты обладает свойствами панацеи:

Про выделение стволовых клеток из пуповинной крови знают многие, в самой ткани плаценты концентрация стволовых клеток тоже очень высока. Стволовые клетки только из одной плаценты могут спасти более 10 000 человек! <...> Внимание! Важно понимать, что лечение каких-то серьезных болезней, типа рака или СПИДа, препаратами на основе плаценты возможно только под наблюдением врача-натуропата [Медицина плаценты 2011].

Насколько можно судить, засушенная плацента редко используется как лекарственный препарат (в полевых материалах зафиксировано только одно упоминание подобного случая), и на практике сушка плаценты если осуществляется, то служит скорее не утилитарным, а символическим целям — в подтверждение ее исключительной ценности.

Еще один вариант использования плаценты, известный мне только по письменным источникам, — это изготовление индивидуальных ритуальных предметов, будущим владельцем которых мыслится новорожденный или его мать. На сайтах для родителей можно обнаружить инструкции по изготовлению таких ритуальных предметов:

У многих народов существует традиция делать из плодного пузыря барабан для ребенка. Околоплодный пузырь, аккуратно отделенный от плаценты, натягивают на цилиндр — основу для барабана — и высушивают по тем же правилам, по которым сушат кожаный барабан, расположив вертикально в помещении, не слишком жарком. На основе для барабана можно вырезать охран-

ные символы, нарисовать плаценту, ребенка, родовое древо. Это барабан призван отгонять злых духов, его дают малышу для игр [Тема родов благодатная тема 2013].

Несмотря на то что на практике этот метод не используется и воспринимается скорее как любопытная «экзотическая» практика, упомянуть его необходимо, поскольку он также считается допустимым способом использования плаценты.

Следующая по частоте упоминания после захоронения плаценты практика — плацентофагия, употребление последа в пищу роженицей или членами ее семьи. Плаценту съедают в сыром виде или приготовленной одним из возможных способов. Этот сценарий реализуется заметно реже, чем захоронение плаценты, однако знание о нем широко распространено.

Плацентофагия — часть нормального поведения плацентарных млекопитающих: родив детенышей, самка, как правило, съедает плаценту. Исключение составляют морские млекопитающие и человек [Kristal, DiPirro, Thompson 2012]. Авторы сопоставительного исследования, проведенного на материале электронной базы данных eHRAF (The Human Relations Area Files <<http://www.yale.edu/hraf/>>), приходят к выводу, что для человеческих обществ запрет на плацентофагию является практически универсальным [Young, Benyshek 2010]. Во всем рассмотренном корпусе материалов (179 культур) была обнаружена только одна культура, в которой зафиксированы случаи плацентофагии (чикано, мексиканцы США) [Ober 1973]. Авторы, ссылаясь на работы [Janszen 1980; Field 1984; Bastien 2004], отмечают, что самые ранние сведения о плацентофагии относятся к 1970-м гг. и, вероятно, отражают новую для этой культуры практику. Они подчеркивают, что имеющиеся сведения не позволяют судить о том, была ли такая практика распространена в этом регионе ранее [Young, Benyshek 2010: 472]. При этом исследователи отмечают заметный рост интереса женщин к практике плацентофагии в 2000-х гг. и связывают его с распространением движения естественных родов [Selander, Cantor, Young, Benyshek 2013: 94]. По результатам исследования¹ авторы приходят к выводу, что в США плацентофагия — это практика не только сторонниц домашних / естественных родов, но и пациенток родильных домов².

¹ Всего было опрошено 189 женщин, практикующих плацентофагию (из них 91,5 % проживает в США, 7 % — в Канаде, оставшиеся 1,5 % приходятся на респондентов из Великобритании, Австралии и Сингапура) [Selander, Cantor, Young, Benyshek 2013: 101].

² Согласно опросу, женщины считают, что поедание плаценты способствует улучшению лактации и общего состояния организма матери после родов.

Возникновение практики поедания плаценты может быть связано с интересом к «природному» и стремлением «учиться у природы» — воспроизводить на практике то, что понимается как естественное. Вероятно, плацентофагия возникла как подражание поведению самок животных. Аналогия с поведением животных — распространенное средство легитимации этой практики в рассказах о плацентофагии: *Одни мои друзья, совсем такие — очень естественные, такие очень естественные — вот, решили, что как бы животные съедают свою плаценту, а мы чем хуже? Поэтому они пожарили ее и съели* [смеется] (ж., 27 лет, Москва). В приведенном примере рассказчица не вполне солидаризируется со своими знакомыми: их поступок не осуждается, но, очевидно, воспринимается как несколько «выходящий за рамки». Такое отношение вообще является распространенным, хотя в целом поедание плаценты не осуждается и вписывается в репертуар допустимых практик.

Одна из распространенных интерпретаций плацентофагии предполагает, что послед принадлежит роженице, так же как и ребенку, и являетсяместилищем женской силы (что совпадает с представлениями, лежащими в основе изготовления лекарственных средств из плаценты). В нарративе эта интерпретация, как правило, рационализируется: утверждается, что плацента содержит особые вещества (витамины, микроэлементы, гормоны), которые необходимо вернуть в организм матери, чтобы он быстрее восстановился после родов.

Другое распространенное объяснение пользы от поедания плаценты связано с представлением о способности плаценты укрепить семейные связи, «привязать» отца к ребенку, скрепить узы братьев и сестер:

— *А как вы потом с плацентой поступили?*

— *Вот мы ее положили в морозилку, а потом разморозили, приготовили и съели.*

— *А как готовили?*

— *Сейчас непонятно, как бы я ее готовила, потому что я вообще сыроед, а тогда приготовили, как печенку, — стушили и съели. Муж сказал, что он не может, и уехал к маме, и мы ее с дочкой съели. И в общем так потом оно и вышло: муж потом «отпочковался» по жизни, а мы остались втроем. До сих пор мы очень дружны, хотя у каждого своя семья. Но кучкуемся при первой же возможности!* (ж., ок. 55 лет, Москва).

Считается, что если дать старшим детям съесть плаценту, они будут любить младшего и в семье не будет конфликтов между братьями и сестрами.

В целом, хотя плацентофагия и признается распространенной и легитимной практикой в среде сторонников домашних родов, родители часто сталкиваются с затруднениями, обусловленными конфликтом культурных норм: поедание плаценты ассоциируется с каннибализмом и вызывает непонимание у их окружения. В следующем примере осуждение родственников заставило женщину отказаться от идеи съест плаценту, хотя ей самой она казалось вполне естественной.

— Мне кажется, самый лучший, с моей точки зрения, способ — это если бы я ее сама съела. Вот. Но меня как-то члены моей семьи очень сильно осуждали.

— У вас вегетарианцы?

— Нет. Вот у нас Маша вегетарианка, Настя пробовала быть вегетарианкой, я временами сыроедением занимаюсь. <...> Просто им именно это — как каннибализм: «А-ха-ха! Есть мясо собственное!» То есть мне почему-то кажется, что можно было ее... (ж., 51 год, Ростов-на-Дону).

Конфликт двух систем знания, носителями которых являются сторонники домашних родов, часто приводит к тому, что решение съест плаценту не осуществляется:

— Она должна в морозильнике лежать. Я сначала хотел ее съест, но потом как-то не решился. <...> Слушай, я, честно говоря, смутно это помню. Но я помню, что мама показывает мне пакет с этой плацентой... мягкой, по-моему, или твердой, замороженной, я уже не помню, и говорит: «Ну, вот теперь ее можно закопать, можно то-то, что-то еще, по-моему...» Я подумал: ну, закапывать что-то лень...

— Лень?

— Лень, конечно. Куда-то идти... Может, это... собаке отдадим? Мы такие подумали: нет, собаке не отдадим. Ну, в общем, так она и лежит в холодильнике. Выкидывать тоже нехорошо, правильно? Лучше съест (м., 24 года, Москва).

Культурная норма, являющаяся основной для современных городских жителей, не допускает употребления в пищу человеческой плоти, новая же норма, имеющая распространение в среде сторонников естественных родов, напротив, одобряет плацентофагию как «правильное», «естественное» поведение.

Одним из свидетельств затруднений, связанных с поеданием плаценты, является распространенность в специальных сообществах в Интернете рецептов приготовления плаценты, направленных на то, чтобы придать ей «кулинарный» вид и избежать чувства отвращения. В одном из таких текстов свежую плаценту предлагается перетереть с ягодами, другой рецепт предполагает жарку плаценты — уподобление ее обычному

мясу¹: «Способ приготовления плаценты следующий (похожий на приготовление коровьей печенки): отрезать от плаценты пуповину (пуповину НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ!). Разогреть сковороду и положить на нее плаценту, полив сверху родильной кровью. Плацента начнет шипеть и сильно съезживаться. Перевернуть и пожарить на другой стороне. Готово! Можно по вкусу посолить (мы не солили) и есть с сырыми овощами. Приятного аппетита!» [Как приготовить плаценту]. Приготовление блюда из плаценты позволяет поместить непривычную пищу в рамки общепринятого кулинарного кода. Формульная концовка «Приятного аппетита!» и фотографии сервированного блюда, сопровождающие этот текст, апеллируют к хорошо знакомому читателю жанру кулинарного рецепта.

Из рассказов о случаях поедания плаценты следует, что плацентофагия может быть «нормативной» и «ненормативной». В первом случае плацента съедается намеренно, в рамках воспроизведения одного из существующих, хотя бы и не массово распространенного, ритуального сценария. «Ненормативное» же поедание плаценты, а именно непреднамеренное, становится сюжетом анекдотических историй. В одном спонтанном интервью мне рассказали, как в некоей семье плаценту, оставленную и забытую в морозильной камере, по ошибке приняли за печень, приготовили и съели². Этот сюжет оформился в устойчивый фольклорный мотив в среде сторонников домашних родов, с различными вариациями он воспроизводится раз за разом, всегда от третьего лица. Такие рассказы служат для передачи знания о том, какое поведение является нормативным, а какое ненормативным и, как следствие, смешным. Одному и тому же действию, в зависимости от того, с какой интенцией оно было совершено, даются противоположные оценки.

Часть описанных практик являются в большей или меньшей степени распространенными, часть воспринимаются самими носителями как более редкие и «экзотические». В работах, описывающих практики, связанные с плацентой, в современ-

---

¹ «Вы не поверите, как много рецептов можно найти на англоязычных ресурсах. В основном для приготовления плаценты используются практически все рецепты для субпродуктов. Самый полезный способ поедания плаценты — съесть ее сырой. Чтобы не сработал рвотный рефлекс, можно приготовить ягодный смузи. Приготовить его очень просто за 3–4 минуты: смешайте в блендере плаценту, стакан клубники, стакан черники, стакан малины, 2 стакана льда и 1/3 стакана меда. Кроме того, можно высушить плаценту и принимать ее в капсулах, как витамины (есть эксперты, предлагающие подобные услуги). Кстати, по вкусу приготовленная плацента напоминает печень, сырая по текстуре — омлет (из комментариев тех, кто ее ел)» [Билуха 2011].

² «Мне тут историю рассказывали про домашние роды: с плацентой ничего не делали, просто закинули в морозилку. А тут приехала мама и приготовила ее, подумав, что это легкое (ну, в смысле какого-то животного легкое). Была ли она съедена — не знаю)) Я бы не стала))» [Что делать с плацентой 2010].

ной городской культуре, делается акцент на подчеркнuto символические, «ритуальные» действия, повторяющие сценарии традиционного крестьянского родильного обряда [Belooussova 2002; Рабей 2012]. Тем не менее полевые материалы показывают, что такие практики не всегда бывают востребованы современными городскими жителями. Напротив, часто необходимость произвести ритуальное действие вызывает у родителей затруднение и чувство неловкости:

Она [плацента] очень долго лежала в морозилке. Вот. Это вообще было очень психологически странно. У меня муж все время говорит: «Мне очень страшно идти ее закапывать». А не закапывать — она же не может вечно лежать в холодильнике. Ну, в общем, вот эта вот история с плацентой. Если бы мы были какие-нибудь экопоселенцы, ну, в общем, какие-то совсем традиционные люди, ну, вот какой-нибудь определенной культуры, да? Мы бы знали, что с этим делать. А тут, в общем, мы такие два, ну, как сказать... ну, грубо скажем, представители интеллигенции: я тогда студентка еще журфака, он кандидат философских наук... В общем, городские жители, идем в лес закапывать плаценту — странное ощущение, конечно! (ж., 43 года, Москва).

При необходимости каким-то образом утилизировать плаценту знакомство с этнографической литературой подсказывает городским жителям, что ситуация требует от них символического, ритуального поведения. Однако в отсутствие ритуальных специалистов и живой преемственности с традицией современный человек оказывается в затруднительном положении. Действительно, можно воспроизвести один из «фольклорных» сценариев, но горожане не привыкли быть в этой роли: этнографические факты ассоциируются с крестьянской культурой, которая является для них по-своему «экзотической».

Сама потребность в ритуализации действий с плацентой может возникнуть по мере знакомства человека с распространенными в сообществе практиками.

В первый раз нас спросили, хотим ли мы что-то с ней [плацентой] делать. Нам ее показали, сказали, что это орган, которому надо сказать спасибо, что ребенок появился. Ну и потом ее унесли. А во второй раз N [жена информанта] прониклась большей как бы в этом отношении трогательностью. Мне смешно. Мы ее заморозили в холодильнике, а потом захоронили. В парке. <...> [о перерезании пуповины] Я вообще не считаю, что это какой-то мегасакральный акт, скорее функциональный. Для меня нет в этом... я не ощущаю некоего метафизического момента (м., 38 лет, Санкт-Петербург).

В приведенной цитате речь идет о рождении первого и второго ребенка в семье. В обоих случаях роды были домашними, однако первый раз женщина приняла решение родить дома отчасти в силу внешних (экономических) причин: находясь за границей, она не имела страховки, которая могла бы покрыть стоимость контракта на роды в клинике; услуги домашней акушерки (легализованные в этой стране) были существенно дешевле. Во второй раз женщина не была стеснена обстоятельствами, однако к этому времени она уже была идейной сторонницей домашних родов: в кругу ее общения появились семьи, практикующие домашние роды, она целенаправленно изучала публикации об этом, выписывала журнал «Домашний ребенок». Как видно, ритуализация манипуляций с плацентой в практике этой семьи возникла в результате приобщения родителей к общему знанию, распространенному в кругу сторонников домашних родов.

Несмотря на разнообразие возможных форм символических манипуляций с плацентой, наиболее распространенной практикой является ее захоронение. Тем не менее, если ребенок родился в холодное время года, захоронение плаценты может быть отложено до весны, тогда ее помещают в морозильную камеру, чтобы сохранить, пока не оттает земля. Случается так, что со временем родители забывают о замороженной плаценте:

— *А что вы делали с плацентой после родов?*

— *О! Кошмар! Ты мне напомнила — она до сих пор лежит в морозилке! Слу-ушай! Кошмар! Ну, просто была зима, а ее надо закопать где-то в лесу... Мы забыли. Несколько раз вспоминали, а потом на лето уехали и тоже забыли. И, видимо, она до сих пор лежит... (ж., ок. 25 лет, Москва).*

На момент интервью дочери моей собеседницы было два с половиной года, все это время плацента хранилась в холодильнике — родители попросту забыли о ней. Несмотря на то что самой женщине эта ситуация, когда она вспомнила о ней, явно показалась выходящей за рамки нормы, это не единственный случай в записанных материалах. Помещение плаценты в холодильник неизменно понимается как вынужденная и сугубо временная мера, а случай с «забытой» плацентой — как курьез. Однако частотность таких случаев подтверждает предположение о том, что символические манипуляции с плацентой для многих современных родителей — это способ, не выходя за рамки допустимого, избавиться от символически значимого, но очень «неудобного» предмета. Морозильная камера, таким образом, принимает на себя роль своеобразного «долгого ящика», куда не до конца оформившаяся традиция «откладывает» символически значимый объект — до подходящего случая или момента, когда ритуальная практика утвердится.

Тот факт, что о плаценте можно забыть, не совершив над ней необходимых ритуальных действий, указывает на существенную особенность функционирования символических практик в современном городе. Если в традиционной культуре «вопрос “почему так, а не иначе?” попросту не имел значения, ибо весь смысл традиции как раз в том и состоял, чтобы делать так, как это было сделано “в первый раз”, во время “первых поступков”» [Байбурин 1993: 9–10], в современной практике, даже и отсылающей к архаическому прошлому, вопросы «как именно?» и «почему так, а не иначе?» становятся более чем актуальны. Здесь необходимо уточнить, что «забывание» плаценты не означает, что ее судьба безразлична родителям, культурная компетенция подсказывает им, что ситуация требует какого-то специального действия, однако выбрать подходящую практику оказывается непросто. В описанной ситуации, когда сообщество, с одной стороны, частично заимствует символические практики из традиционной культуры, черпая знание о ней преимущественно из популярной этнографической литературы, а с другой стороны, изобретает новые практики, понимаемые как ритуальные, мы наблюдаем пример явлений, которые К.В. Чистов обозначил как вторичные формы народной культуры [Чистов 1986: 43–56]. Потребность в самом этом действии возникает отчасти в силу знакомства носителя современной культуры с моделью интерпретации традиционных ритуальных практик, транслируемой этнографической литературой. Формы символических практик многочисленны и разнообразны и представляют привлекательный материал для этнографического описания, но в то же время это пестрое множество, как показывают рассмотренные практики, не образует собственно традиции — устойчивого конвенционального кода поведения.

Библиография

- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Белоусова Е.А.* Наши современницы о родовспоможении в России // Корни травы: Сб. статей молодых историков. М.: Звенья, 1996. С. 216–222.
- Белоусова Е.А.* Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура: Автореф. дис. ... канд. культурол. М., 1999.
- Билуха М.* Новая тенденция в родах — роженицы съедают свою плаценту после родов // Сайт «Мамой быть легко» [Украина]. 2011, 4 апр. <http://mamaclub.ua/rody/material/novaya_tendentsiya_v_rodah_rozhenitsy_sedayut_svoyu_platsentu_posle_rodov-1475.html>.

- Ефремов К.* Мировое древо — это наша первая любовь // Домашний ребенок. 2009. № 7: Дерево. С. 101–104.
- Иванова Е.* Ствол дерева // Домашний ребенок. 2009. № 7: Дерево. С. 108–111.
- Кабакова Г.И.* Послед // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Междунар. отнош., 2009. Т. 4. С. 200–202.
- Как приготовить плаценту // Сайт «Самородок» <http://samorodok.org/network_apply.htm>.
- Котлар Н.* Что же такое плацента? // Домашний ребенок. 2009. № 7: Дерево. С. 112.
- Медицина плаценты // Детишник: Блог «Мамы о детях». 2011, 15 июля <<http://detishnik.ru/2011/07/15/medicina-placenty/>>.
- Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
- Привальская Л.* «Лotosовое рождение»: опыт тысячелетий // Домашний ребенок. 2009. № 7: Дерево. С. 114–120.
- Рабей Е.Б.* Домашние роды в современном городе: конструирование мифологии и обрядности: Диплом ... специальность 031001.65 «Филология» / РГГУ. М., 2012.
- Тема родов благодатная тема. Ч. 4. Гл.: Лекарство из плаценты // Сайт «Школьные материалы». 2013, 20 апр. <<http://userdocs.ru/fizika/22902/index.html?page=17#910531>>.
- Троцкая М.* Placenta art // Домашний ребенок. 2009. № 7: Дерево. С. 104.
- Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47–62.
- Чарковский И.* Важнее плаценты вообще ничего нет // Домашний ребенок. 2009. № 7: Дерево. С. 113.
- Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. М.: Наука, 1986.
- Что делать с плацентой после домашних родов [Ветвь обсуждения на форуме] // Форум родителей Благовещенска и Амурской области. 2010, 12 мар. <<http://blagmama.ru/forum/index.php?showtopic=952>>.
- Чудесный дар новорожденного — Плацента // Детишник: Блог «Мамы о детях». 2011, 14 июля <<http://detishnik.ru/2011/07/14/chudesnyj-dar-novorozhdennogo-placenta/>>.
- Шелепина Ю.* Древо жизни // Домашний ребенок. 2009. № 7: Дерево. С. 105–107.
- Щепанская Т.Б.* Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып. 2. СПб.: ИРЛИ РАН, 1999. С. 389–423.
- Эннинг К.* Сушеная плацента // Домашний ребенок. 2011. № 13. С. 92–93.
- Bastien A.* Placental Rituals, Placental Medicine // Midwifery Today. 2004, Autumn. Is. 71. P. 54–55.

- Belooussova E.* The 'Natural Childbirth' Movement in Russia: Self Representation Strategies // *Anthropology of East Europe Review*. 2002. Vol. 20. No. 1. P. 11–18.
- Belousova E.* The Preservation of National Childbirth Traditions in the Russian Homebirth Community // *Journal of the Slavic and East European Folklore Association*. 2002. Vol. 7. No. 2. P. 50–77.
- Enning C.* *Placenta: The Gift of Life*. Eugene, OR: Motherbaby Press, 2007.
- Field M.* Placentophagy // *Midwives Chronicle and Nursing Notes*. 1984. Vol. 97. P. 375–376.
- Janszen K.* Meat of Life // *Science Digest*. 1980, Nov./Dec. P. 78–81, 122.
- Kristal M., DiPirro J., Thompson A.* Placentophagia in Humans and Nonhuman Mammals: Causes and Consequences // *Ecology of Food and Nutrition*. 2012. Vol. 51. No. 3. P. 177–197.
- Mause de L.* *Foundations of Psychohistory*. N.Y.: Creative Roots, 1982.
- Ober W.B.* Placentophagy // *Obstetrics and Gynecology*. 1973. Vol. 41. No. 2. P. 317–318.
- Selander J., Cantor A., Young S., Benyshek D.* Human Maternal Placentophagy: A Survey of Self-Reported Motivations and Experiences Associated with Placenta Consumption // *Ecology of Food and Nutrition*. 2013. Vol. 52. No. 2. P. 93–115.
- Young S., Benyshek D.* In Search of Human Placentophagy: A Cross-Cultural Survey of Human Placenta Consumption, Disposal Practices, and Cultural Beliefs // *Ecology of Food and Nutrition*. 2010. Vol. 49. No. 6. P. 467–484.